

Храм души моей

Вот она, строгая красавица-церковь святых бессребреников Космы и Дамиана, стоит на холме, волшебным соединяет старомайнский ландшафт, обнимая скромные деревеньки, прильнувшие к старшей сестрице – Кокряти. Со всех дорог видна, всем путникам шлет свое благословение и напоминает о родном доме, о любви к Богу и Отчизне.

Сердце учащенно бьется, ноги вырастают в землю перед воротами старинного храма: в этой церкви крещены мои дети – Екатерина и Александр, с ней связаны значительные вехи жизни, здесь однажды, перед старинными афонскими иконами, в торжественную Пасхальную ночь Дух Святой оживил спящую душу. Сердце распалилось в рыдании и покаянии, в радости и ликовании. Но не ведало еще оно, как труден и долог путь к истине: с каждым шагом круче подъем, труднее дышать от осознания своих грехов, все глубже бездна непонимания, острее боль за болящих. Долго протестовало сознание, бунтовало сердце против исканий души, не пускающая ее к храму. Прошли годы. Много дорогих мне людей, жителей околоскопских деревень, ушли в мир иной. Дети ни разу после крещения не побывали в родной церкви. Забыла и я туда дорогу. И вдруг – храм напомнил о себе...

Незнакомка представилась мне

прихожанкой Кокрятской церкви. Она взывала к помощи: «Нужен срочный ремонт, нужно молиться об уникальной сокровищнице нашей епархии. Сколько людей спасли от болезней и гибели целители Косма и Дамиан, сколько детей, крещенных здесь, на ноги встали и в бизнесе преуспели, благодаря намоленным этим стенам!»

«Святая Елена» – так в душе я окрестила эту необычную женщину. Не найдя в Ульяновском госархиве сведений о Кокрятском храме, она, неимущая, отправилась в Казань и в архивном фонде Казанской духовной консистории в клировых ведомостях церкви бывшего Спасского уезда нашла следующие сведения.

Церковь села Кокрять во имя святых бессребреников Космы и Дамиана построена в 1814 году на средства помещика Михаила Михайловича Наумова. Здание церкви каменное, с каменной колокольней, главный храм холодный, приделы теплые. Главный престол – во имя святых бессребреников Космы и Дамиана.

В память коронации Николая II на правой стороне трапезной части был возведен и освящен 4 июля 1899 года престол в честь Вознесения Господня. А вскоре на левой стороне трапезной части на средства помещицы Екатерины Наумовой поставлен престол Святой Великомученицы Екатерины – он освящен 17 сентября 1901 года.

Огромное, богатое село. Глубоки его корни, святые земли его. Не дошли по-настоящему руки археологов до древних валов, окружающих Кокрять, но то и дело находят здесь местные жители и заезжие краеведы наконечники копий из неизвестных сплавов, фрагменты кольчуг и шлемов, которые о многом могли бы поведать современным историкам.

На высоком холме, где почти два столетия красуется каменная церковь, стояла ранее деревянная – ее Михаил Михайлович Наумов в 1800-х гг. перенес в село Лебяжье. Место под храм в селе Кокрять было выбрано святыми людьми еще в середине XVII века.

Передо мной – церковная ведомость за 1900 год. Обстоятельно и аккуратно настоятель Феодан Алексеевич Ставропольский описывает свой притч, церковный архив и даже библиотеку. К ведомости приложен его послужной список (в Космодемьянском храме он служит с 1892 г.), здесь же перечислены награды (одна из них – от императрицы Александры Федоровны за помощь населению с. Кокрять, пострадавшему от неурожая 1899 г.), сведения о псаломщике Петре Студенцове и церковном старосте Павле Ивановиче Шушарине. Любопытны и цифры: в селе Кокрять 214 дворов, где проживает (в 1900 г.) 1371 человек.

Страшно представить, что этого храма могло сегодня не быть...

Нынешний настоятель отец Владимир рассказывает, как чудом уцелела церковь в советское время. Атеистическая волна 1930-х, а затем и 60-х снесла почти все симбирские храмы, а те, что уцелели, лишились своих колоколен и использовались как зернохранилища, клубы или сараи под удобрения. Из всех многочисленных церквей Ульяновской области до наших дней лишь две каменные церкви, в которых не прекращались службы в советское время: Вознесенский храм на городском кладбище и храм Космы и Дамиана в селе Кокрять.

Вот почему здесь так легко и свободно дышится. А какой свет излучают иконы, писанные афонскими мастерами на кипарисовом дереве, какой намоленный дух под куполом...

Что же помогло выстоять святыне?

Далеко, по всей округе, слышен был колокольный звон, созывающий прихожан на службу. Люди шли в храм в любую погоду, несмотря на отдаленность некоторых деревень. А был приход многолоден, к нему относились жители Матвеевки, Желяевки, Русского Юрткуля, Аристовки, Волостниковки, Арчиловки и самой Кокряти. Недалеко от церкви проживали сестры Кураловские – Наталья и Евдокия, женщины набожные, любящие церковь. Когда в 1930-е годы повсеместно начали сносить храмы, пошли сестры по домам ближайших деревень. Люди подавали, что могли – в то голодное-то время! Собрав кое-какие деньжата, сестры поехали, как гласит народная молва, к самому Калинин. Трудно сказать, как все было на самом деле, но вскоре в Ульяновск пришла директива: церковь не трогать. Дожившую до старости Евдокию в селе величали «Калинихой»: она всегда, как только храму угрожала опасность, ссылалась на «веселого старосту».

Во время Великой Отечественной войны церковь Космы и Дамиана некоторое время была закрыта, но возглавил приход отец Алексей Слободкин, и люди снова потянулись к храму. Сложилась крепкая церковная община. Уважаемый всеми батюшка был рукоположен, уже будучи глубоким стариком, в 80 лет, и когда уполномоченные по делам религии бесчинствовали, вел себя смело и ни на какие уступки властям не шел.

Существует церковная община и ныне. Более полувек служит в церкви казначейша Мария Петровна. Ей далеко за 70, но служб не пропускает, поет на клиросе, во всем помогает настоятелю отцу Владимиру. Все ее предки: отец, дед и прадед – были певчими. «Хор у нас, – рассказывает казначейша, – был большой и очень славился: на службу к нам издалёка приезжали – специально песнопения послушать».

Об одной из певчих – тоже Марией Петровной зовется – и сегодня далеко слава катится: недвижимая с детства, она полвека поет в церкви и живет ее радостями и горестями.

Тихо нынче в селе. Тишина эта не высокая и ясная, а насто-роженно-грозовая. Не слышны веселые крики детей, давно смолкли девичьи–и песни, даже женские пересуды иссякли – как будто вымерла Кокрять.

Стоим у храма и созерцаем невеселую картину: колонны (они выполняют несущую функцию) рас-трескались, осыпалась штукатурка на фасаде, прохудилась крыша над трапезной.

Только ступеньки храма – совсем новенькие, забетонированные. Отец Владимир поясняет, что на ремонт крыльца община собирала деньги по крохам. Раньше – всем миром, а нынче «мир» сужен до десятка полуразвалившихся домов, где живут старухи да вернувшиеся из города несчастные, которым не нашлось места ни в семье, ни в обществе.

«Слово «церковь» содержит два понятия: сам храм и собрание верующих людей, – рассуждает настоятель. – Когда село вымирает, содержать храм очень сложно. Так что же делать – закрыть? Но ведь это не просто уникальный памятник, а святое место, где столетиями молились люди! Здесь даже стены излучают Свет и утоляют жажду духовную».

Кокрятский храм – образ веры моей, второй моей родины, где упокоится душа, символ любви и всепрощения. Пройдя через тернии, выстоял ты, явил нерушимую силу перед злом и насилием, неушто нынче не объединишь народ, не поспособуешь, не явишь силу Божию немощным...

Ольга Шейнак

